

Три грани всемогущества

ВСЕМОГУЩЕСТВО И НАРЦИССИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Гридаева Галина Витальевна

- Врач-психотерапевт, психоаналитик
- Специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления ЕАРПП
- Заместитель председателя РО-Самара (ЕАРПП)
- Руководитель Центра Современного Психоанализа (Самара)
- Заместитель председателя Самарского Психоаналитического Общества

Во время работы в своих психоаналитических кабинетах и центрах, мы можем наблюдать тенденцию к утяжелению психической патологии пациентов, которые обращаются к нам за помощью. Пациенты с пограничным и психотическим уровнем функционирования, с нарциссическими расстройствами, с проблемами формирования идентичности на сегодняшний день составляют большую часть наших пациентов. Редкий невротик долетит до психоаналитика. Таким образом, мы имеем дело с патоморфозом психических расстройств. Почему это происходит? Возможно, мы научились диагностировать тяжелую психическую патологию и помогать этим пациентам. Но есть еще причины, которые нужно рассматривать комплексно; о двух из них я бы хотела сегодня поговорить. Это прямое, непосредственное влияние общества на нарциссическую

Каждое общественное устройство создает характеры, в которых оно нуждается, чтобы поддерживать свою прочность.

регуляцию отдельного человека, и опосредованное влияние – через трансформацию института семьи.

«Определенному общественному устройству в целом соответствуют определенные психические структуры людей, или, выражаясь иначе, каждое общественное устройство создает характеры, в которых оно нуждается, чтобы поддерживать свою прочность. Социально-экономическая структура общества влияет на формирование характера его членов не непосредственно, а очень сложным окольным путем: она обеспечивает определенные формы семьи Тем самым можно сказать: структура характера представляет собой застывший социологический процесс определенной эпохи». (Вильгельм Райх, 1933)

Сравнительно недавно мы жили в патриархальном обществе с викторианской моралью и запретом на сексуальность. Это общество сформировало своеобразный тип семьи – патриархальную семью, в которой были определенные отношения между членами семьи, и у подрастающих детей формировались определенные структуры характера и соответственно, специфическая психопатология. Сегодня мы живем в другом обществе – в обществе потребления, пронизанном идеями всемогущества и бессмертия. Современная семья и отношения внутри семьи существенно отличаются от патриархальной, и в современной семье воспитываются и вырастают другие дети. Часть этих детей, подрастая, приходит к нам за психотерапевтической помощью, и мы можем наблюдать иную психопатологию. Цель моего сегодняшнего сообщения – показать, что увеличе-

И, как любую нормально работающую систему в нашем организме, мы склонны не замечать систему нарциссической регуляции до тех пор, пока она не дает сбой, точно так же, как мы не замечаем хорошо работающее сердце или почки.

ние и утяжеление пограничной и нарциссической патологии (которое мы наблюдаем в своих кабинетах) находится в причинно-следственной связи с социальными изменениями в современном обществе.

Для начала несколько слов о нарциссической регуляции. Чувство собственной ценности и поддержание самоуважения важны для любого человека. Всем нам хочется чувствовать удовлетворение от собственной личности, и мы для этого что-то делаем – выступаем на конференциях, защищаем диссертации, соблазняем девушек, покупаем самолеты и т. д. Большинству людей не очень нравится, когда их критикуют, и, конечно, нам приятно, когда нас одобряют и хвалят. И также для большинства людей критика в их адрес не становится трагедией, и они могут пережить какое-то время без одобрения со стороны значимых других. Тогда мы можем говорить о том, что человек поддерживает самоуважение и чувство собственной ценности автономно, без «подпитки» извне. Т. е. его система нарциссической регуляции работает достаточно хорошо и справляется. Упрощенно это можно сравнить с источником резервного автономного электропитания, которым можно пользоваться, когда электричество в сети отключено. Так несколькими штрихами весьма условно я обрисовала то, что называется «нормальным

нарциссизмом». И, как любую нормально работающую систему в нашем организме, мы склонны не замечать систему нарциссической регуляции до тех пор, пока она не дает сбой, точно так же, как мы не замечаем хорошо работающее сердце или почки.

На мой взгляд, мы сейчас наблюдаем столкновение двух тектонических плит: ИЛЛЮЗИЯ ВСЕМОГУЩЕСТВА, с одной стороны, и ВНЕЗАПНЫЕ ВСЕМИРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, с другой стороны. Пандемия коронавирусной инфекции нанесла очень мощный удар в первую очередь по нашей иллюзии всемогущества и логике безлимитности, в которой мы пребывали последние годы. Мы внезапно столкнулись с огромным количеством ограничений, часть из которых вполне конкретна и очевидна, другая же часть ограничений весьма спорна, непонятна, надумана и субъективна. Мы не можем свободно перемещаться, так как раньше. Мы столкнулись с тем, что мы можем болеть, умирать, испытывать беспомощность и растерянность. Иллюзия всемогущества разбивается от столкновения со смертью, болезнью, необратимостью. Нам очень сложно разобраться в том, что происходит. И, как во время землетрясения, разные люди видят совершенно разную картину происходящего. Кого-то завалило ограничениями, кто-то вскарабкался на обломки своего всемогущества и пытается удерживаться на них, кто-то провалился в подвал беспомощности, а кто-то оказался чуть в стороне от эпицентра, и его жизнь тряхнуло несильно. Многие из нас мечутся между двух крайностей – всемогущество и беспомощность, и нам сложно понять границы своего «могущества», разобраться, что мы можем, а чего мы не можем и с этим нужно смириться.

Сегодня нарциссическая регуляция каждого человека испытывает максимальные перегрузки.

От иллюзии всемогущества отказаться очень сложно, слишком сильно искушение и слишком тревожно без этой мощной защиты. Тем более, что идеи и желание всемогущества пронизывают практически все сферы нашей жизни.

Технический и научный прогресс сегодня делает невозможное возможным: мы имеем то, о чем наши предки могли только мечтать. Мы летаем на коврах-самолетах, у нас есть сапоги-скороходы мощностью в сотни лошадиных сил, нам доступна скатерть-самобранка (доставка еды на дом) и волшебная кредитная карта, с помощью которой можно наколдовать почти все, что нам угодно. Это здорово, и очень облегчает жизнь, но все эти замечательные достижения очень плавно и незаметно встраиваются в наше внутреннее пространство. Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в такую соблазнительную иллюзию всемогущества. Происходит стирание границ – временных, пространственных, границ между нами и нашими вещами. Вещи становятся нашим нарциссическим расширением, и мы без машины, как без рук. Лучшее всего символизирует всемогущество мобильный телефон. Мобильный телефон магическим образом отменяет пространство и время. С его помощью можно позвонить на другой конец света, поддерживать связь с физически недоступными объектами, отрицая расстояние, разлуку и преодолевая естественные преграды одним нажатием клавиши. С помощью мобильного телефона можно поддерживать постоянную иллюзорную связь со всем миром.

Сегодня нарциссическая
регуляция каждого человека
испытывает максимальные
перегрузки.

Мобильные устройства объединены с компьютерами, и мы можем почти все, что угодно – читать книгу, слушать музыку, зависать в социальных сетях, вести ежедневные заметки. Мобильник берет на себя функцию нашей памяти – он напоминает нам о днях рождения, о планах на день, о том, как выглядят наши близкие люди. Зачем запоминать, если в любую секунду можно посмотреть фото? С помощью этой волшебной палочки можно справляться с чувством одиночества, с тревогой, заполнять душевную пустоту, поддерживать постоянство объекта, контролировать своих близких, убивать людей (символически, конечно, внося их в черный список), конкурировать, демонстрировать свою независимость и отдельность. Т.е. можно решать огромный спектр психических задач (оральных, анальных и фаллических), удовлетворять разные потребности прямо здесь и сейчас. Мобильник каждый день посылает нам сообщение – границ не существует. Но, как и в волшебных сказках, есть цена, которую нужно заплатить за владение этим волшебным предметом. Она огромна: мы перестаем думать, и делаем что-то гораздо быстрее, чем успеваем осмыслить – что мы делаем и зачем. Таким образом, мы из Человека Разумного (Homo Sapiens) очень незаметно становимся Человеком Всемогущим (Homo Omnipotent).

Мы сейчас наблюдаем столкновение двух тектонических плит: иллюзия всемогущества, с одной стороны, и внезапные всемирные ограничения, с другой стороны.

Парадоксальным образом всемогущество воспринимается нами не как чудо, а как естественное, само собой разумеющееся, а естественные ограничения, наоборот, становятся чем-то невероятным, сверхъестественным. И когда мы вдруг наталкиваемся на какую-то границу, лимит, мы испытываем невероятную фрустрацию – «кончились деньги на телефоне», «вырубился интернет».

Еще одна особенность современного общества – атака на коммуникацию. В прямом смысле слова – атака на живую коммуникацию, мы все меньше общаемся друг с другом непосредственно, лично. А любовь не передается через гаджеты и смайлы, для этого нужны живые люди. В более широком смысле – как атака на ментализацию, осмысление и символизацию опыта и полученной информации. Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действии, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше. Как пример – рекламный лозунг «Не думай, купи».

Мы можем наблюдать в современном обществе запрет на горевание и траур. Самая важная граница – это смерть. Современные молодые люди могут не сталкиваться с реальностью смерти до 25-30 лет, не видеть мертвого тела, не видеть похорон. Мы не носим траур, у нас не принято говорить о том, что мы горюем о близких, сразу после похорон мы выходим на работу – т.е. мы видим отказ от ритуала траура, горящий человек не принимается социумом. И одновременно с этим сейчас мы постоянно видим сводки и статистику умерших и заболевших – когда включаем интернет, когда слушаем радио в машине. То есть тема смерти звучит очень громко, но ритуал как способ обращения с потерей и общепринятая традиция – потерян. И каждый из нас вынужден

изобретать велосипед заново... Как и где делать работу горя? Разве только в кабинете у психоаналитика...

Современная медицина – еще одна область, где в последние годы ярко звучали идеи всемогущества и бессмертия. И именно медицина и система здравоохранения находятся сейчас в эпицентре землетрясения, прямо между двумя сталкивающимися тектоническими плитами. Болезнь и старение воспринимались и многими до сих пор воспринимаются не как естественная часть жизни, а как то, чего быть не должно. Здоровье, наоборот, воспринимается не как дар и счастье, но как право или даже требование никогда не болеть и никогда не умирать. Современная женщина может отменить менструацию с помощью гормональных препаратов. Можно поменять тазобедренный сустав на титановый, поставить кардиостимулятор и регулировать биение сердца и т.д. Мы изобретаем технологии ЭКО, и тем самым берем на себя функции Создателя. Формируется иллюзия вечной прекрасной жизни, не омраченной менструацией, болезнями, старением и возможностью смерти. Я не хочу сказать, что не нужно лечить болезни, бороться за жизнь, что нужно запретить реанимацию и т. д. Ни в коем случае. Однако, темп прогресса в области медицины в последние годы намного опережал нашу способность осмысливать значение и психологические последствия сделанных открытий, которые реально меняли нашу жизнь. Я хочу сказать, что современные медицинские достижения, при их безусловной важности и полезности, вмешиваются в такие тонкие вопросы жизни и смерти, что возникла иллюзия, будто этими процессами можно управлять. А это не так. И когда пришла пандемия, то первой рухнула не реальная система здравоохранения, рухнула эта иллюзия.

Общество потребления – это общество дефицита, а не конфликта. Это мир, где расщепление и отрицание являются нормой. Во-первых, постоянно потреблять может только тот человек, который испытывает постоянный дефицит, нехватку, но при этом хочет получить все. Поэтому ощущение нехватки, постоянной гонки за идеалом и совершенством эксплуатируется самыми разными способами. Поэтому обществу потребления очень удобны и выгодны люди с нарциссической патологией – их можно легко использовать. Реклама со своими слоганами: «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой», «не думай – купи» эксплуатирует архаичное желание всемогущества, отрицает принцип реальности. И следом за таким рекламным роликом мы видим новостной сюжет о катастрофе или теракте, который несет прямо противоположное послание – никаким будущим мы не управляем. Может ли психический аппарат воспринять два прямо противоположных послания, не опираясь на расщепление? Расщепление как основной механизм защиты в современном мире становится просто необходимым, на мой взгляд.

Еще один аспект трансформации психической структуры под влиянием современного общества – это исчезновение понятия о чести. Душевная патология, возникавшая в патриархальном обществе, чаще всего являлась патологией конфликта. Интернализованные понятия о чести (зрелый Эго-идеал как часть зрелого Супер-Эго) помогает

Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в такую соблазнительную иллюзию всемогущества.

Парадоксальным образом всемогущество воспринимается нами не как чудо, а как естественное, само собой разумеющееся, а естественные ограничения, наоборот, становятся чем-то невероятным, сверхъестественным

регулировать самоуважение, с другой стороны, неизбежно возникают внутренние конфликты между желаниями, влечениями и требованиями «чести»: «но я другому отдана, и буду век ему верна». Для разрешения этих конфликтов психическому аппарату нужно формировать зрелые защитные механизмы, с опорой на вытеснение, тратить энергию, чтобы удерживать вытесненное вне сознания. Сейчас мы даже сами не очень заметили, как само понятие чести исчезло из обихода и языка. «Честное пионерское» – мы говорили не так давно, а сейчас нет аналога. Я думаю, что исчезновение понятия чести и честности не случайно, а закономерно. Зрелый интернализированный Эго-идеал (честь) дает человеку ощущение автономии, позволяет самостоятельно регулировать самоуважение. В обществе потребления это – непозволительная роскошь, т.к. это делает человека свободным от взаимного использования. Люди, которые уважают себя, потому что они честные, – невыгодны в обществе потребления, они лишние. Получается, что функция поддержания самоуважения переходит из интрапсихического пространства вовне – «я могу себя уважать, потому что я хорошо выгляжу и хожу к косметологу, у меня шикарная машина и дорогой мобильник». Регулятор самоуважения становится внешним и сиюминутным, т.е. нестабильным, и об автономии речь не идет. Человек становится хладнокровным (как крокодил, температура тела которого напрямую зависит от температуры окружающей среды) – его самоощущение непосредственно зависит от внешней среды и внешней оценки. Таким образом, со структурной точки зрения тяжелая психическая патология становится нормой нашего времени.

Мир всемогущества, с опорой на примитивные защитные механизмы, где отношения с объектами строятся по нарциссическому типу, где вместо символизации – символическое уравнивание и где проективная идентификация постоянно используется для эвакуации непереваренных бета-элементов, а горевание невозможно – это мир параноидно-шизоидной позиции. И это мир, где родительская пара атакована и разрушена. Где нет структурирующей, объединяющей и символизирующей функции пениса. Я говорю сейчас о концепции пенис-как-связь (Брикстед-Брин): признание ребенком взаимоотношений родителей объединяет его психический мир и создает треугольное пространство. Интернализация пениса-как-связи поддерживает внутреннюю триадную структуру и символическую функцию. Папе нужна мама, а маме нужен папа. Я – ребенок, и я наблюдаю их отношения. Я нахожусь в позиции третьего. Я могу грустить и горевать о своей исключенности, и это означает, что мне доступна депрессивная позиция. Но если чувства слишком сильны и депрессивная позиция невыносима, то я буду постоянно атаковать родительскую пару, превращать триаду в диаду, и выход из параноидно-шизоидной позиции весьма затруднен.

Общество потребления, в котором мы сегодня живем, постоянно провоцирует нас на безудержное стремление к успеху и перфекционизм. Мы постоянно получаем

послания – «невозможное возможно», «ты можешь все, стоит только захотеть», «границ не существует». Ментальность всемогущества и отсутствия границ не позволяет нам построить идентичность, разобраться, что мое, что не мое. В результате нарциссические механизмы каждого человека испытывают постоянную стимуляцию и давление со стороны общества, что у многих людей ведет к нарушению адекватного нарциссического баланса и запускает нарциссическую регрессию. При определенной предрасположенности и слабости механизмов нарциссической регуляции у конкретного человека это может привести к декомпенсации и усугублению имеющейся нарциссической патологии.

Также современное общество оказывает опосредованное воздействие на формирование нарциссической патологии, которое реализуется через трансформацию института семьи. Современная семья эволюционирует от традиционной патриархальной семьи к нуклеарной семье, которую характеризует малочисленность, малодетность, нестабильность и отсутствие четкого гендерного разделения ролей. Каждый член нуклеарной семьи становится фактически незаменимым, т.к. его замена равноценна уничтожению семьи. В результате существенно повышается степень зависимости членов семьи друг от друга и степень взаимного нарциссического использования. При этом другой член семьи выступает как дополнение, ему делегируются собственные нужды, и происходит стирание психологических границ. Риск нарциссического использования больше подвержены дети. При этом может происходить подавление и игнорирование их собственных потребностей в развитии, что в дальнейшем неизбежно приводит к нарциссическим нарушениям различной степени выраженности у подрастающего поколения.

Отсутствие четкого полового разграничения ролей в современной семье, с одной стороны, позволяет ей выжить, с другой стороны – приводит к стиранию полоролевых различий. В результате ребенку, растущему в нуклеарной семье, все труднее сформировать четкую полоролевою идентичность. И мы можем наблюдать тенденцию и в обществе в целом, и, соответственно, в своих психотерапевтических кабинетах – все больше появляется людей с нарушениями полоролевой идентичности.

Зачастую наши современные семьи состоят из матери, ребенка, и отца, который все время на работе. И ребенку (до выхода в большой социум – в школу) приходится идентифицироваться только с матерью, потому что больше просто не с кем. Объектный мир ребенка не обогащен игрой идентификаций, крайне ограничен и зачастую – дефицитен. Зачастую нет третьего объекта, на которого ребенок мог бы опереться, чтобы отделиться от матери. В результате ребенку в современной семье гораздо сложнее сформировать триадные объектные отношения, и мы все чаще встречаем в своих кабинетах

Мы можем наблюдать
в современном обществе запрет
на горевание и траур.

Еще одна особенность
современного общества – атака
на коммуникацию. В прямом
смысле слова – атака на живую
коммуникацию.

пациентов с диадными объектными отношениями, с большей степенью зависимости, с пограничной и психотической организацией психики.

Таким образом, общество потребления прямо и опосредованно формирует все большее количество людей с тяжелой

Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действии, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше.

на нашу способность мыслить, символизировать, объединять и иметь внутреннее триангулярное пространство. И это та реальность, которая окружает нас и наших пациентов каждый день, и оказывает влияние на нашу работу.

Я предлагаю рассмотреть айсберг всемогущества: 1. Всемогущий контроль как защитный механизм – нам это хорошо известно, он может быть нормальным в определенных ситуациях (экстремальных) и патологическим, когда вся личностная структура построена вокруг всемогущества. 2. Всемогущество как этап развития (младенческое всемогущество, подростковое, всемогущество начинающего специалиста). 3. Всемогущество как социальный тренд.

Всемогущество пациента всегда заметно, мы умеем его видеть и работать с ним. Приведу 2 короткие клинические виньетки:

Пациент Х., харизматичный мужчина, крупный бизнесмен был уверен в том, что все возможно, любая проблема решаема, нужно лишь найти верный способ. Его жизнь была историей грандиозного успеха, и его колоссальные амбиции реализовывались в полной мере. Он построил завод, который прекрасно работал, и реальность в течение многих лет подкрепляла его могущество – «ты смог». Полученное им бизнес-образование также укрепило его в этом самоощущении. Настал час Х, и он потерял свой завод, доверившись «не тем» людям – он был абсолютно уверен, что он такой опытный, умный и хитрый, и его никто не обманет. Но его обманули. Чудом не убили, и он не застрелился, хотя хотел этого. Он был в такой глубокой депрессии, что смог обратиться к психоаналитику только через 4 года после краха. И мы вместе с ним делали работу горя по утраченному заводу, который был не просто заводом, а его детищем, продолжением его самого. И так же это было горевание по потерянному всемогуществу.

Пациентка Н., красивая женщина 45 лет, юрист по образованию. Обратилась за помощью, потому что чувствовала себя неуспешной, некрасивой, незначительной. Чтобы она ни делала, ее основное самоощущение было – «я как дура»: пошла в бассейн как дура, купила новое платье – не одену, я в нем, как дура и т.д. Она оказывала юридические

Обществу потребления очень удобны и выгодны люди с нарциссической патологией – их можно легко использовать. Реклама со своими слоганами: «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой», «не думай – купи» эксплуатирует архаичное желание всемогущества, отрицает принцип реальности.

услуги своим многочисленным друзьям бесплатно, т.к. не считала свою помощь ценной. Она боялась высказать свое мнение в компании, даже среди старых знакомых, потому что: «ну что интересного может сказать такая дура, как я». В отношениях с мужчинами она очень старалась быть хорошей, полезной и беспроблемной, она помогала своим мужчинам, в том числе и деньгами, не считая себя вправе попросить у них даже о минимальной помощи (например, поменять колеса на машине). Старшая дочь в семье, она росла как Золушка, нелюбимая, постоянно критикуемая за все, что бы она ни делала, притом, что требовали от нее очень много. Ее младшую сестру холили и лелеяли, сестре нужно красивое платье – а тебе зачем, ты все равно страхолюдина, сестре нужно получить высшее образование – а тебе зачем, ты и учиться-то не сможешь. Через 2 года психоаналитической терапии ее самооценка радикально изменилась, она стала ощущать себя роскошной красавицей, и любой мужчина упадет к ее ногам, если она пожелает. Она стала работать юристом и назначала за свои услуги очень большие гонорары, потому что ощущала себя крутым мега-юристом. Было очевидно, что ее самооценка качнулась в противоположную сторону, в сторону грандиозности, и она не совсем адекватна в реальном восприятии себя. Я понимала, что ей еще предстоит испытать разочарования, прежде чем маятник ее самооценки выровняется. Но она была так воодушевлена «грандиозными изменениями», что покинула терапию – у нее же все прекрасно. Мне не удалось показать ей, что это только этап, и он пройдет. Ей очень важно

Болезнь и старение воспринимались и многими до сих пор воспринимаются не как естественная часть жизни, а как то, чего быть не должно. Здоровье, наоборот, воспринимается не как дар и счастье, но как право или даже требование никогда не болеть и никогда не умирать.

было насытиться ощущением своего всемогущества, потому что это было то, чего у нее никогда не было.

Всемогущество психоаналитика для нас менее очевидно, и нужно приложить некоторые усилия для того, чтобы его обнаружить. Первое – и самое безобидное – всемогущество начинающего психоаналитика. Это – естественная стадия развития и формирования профессиональной идентичности: мы на каждом углу говорим: я психоаналитик, нам важно чувствовать себя компетентными, мы опираемся на теорию, и можем быть очень умными. И мы с горящими глазами неопита искренне верим в то, что золото истинного психоанализа всем поможет. Я испытываю искреннюю зависть к начинающим коллегам, потому что это прекрасное время неизбежно проходит.

Всемогущество может возникать у психоаналитика как защита от беспомощности, и как контрпереносная реакция на проективную идентификацию пациента.

Всемогущество может возникать у нас как потеря принципа реальности в ответ на социальное давление. Феноменологически это может проявляться в том, что мы принимаем по 10 пациентов в день, например.

Всемогущество как проявление личностной патологии психоаналитика – тоже встречается, к сожалению.

Обществу потребления очень удобны и выгодны люди с нарциссической патологией – их можно легко использовать. Реклама со своими слоганами: «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой», «не думай – купи» эксплуатирует архаичное желание всемогущества, отрицает принцип реальности.

Мы приходим в профессию с разным базовым образованием, как правило, медицинским или психологическим. На мой взгляд, всемогущество есть и у врача, и у психолога, но оно имеет разный оттенок: врач, скорее, будет ощущать себя всемогущим в желании «всех спасти», берет в терапию больше тяжелых пациентов – психотически организованных, или пациентов с эндогенными психическими расстройствами. Всемогущество психолога чаще проявляется в том, что он точно знает, «как правильно жить и в чем смысл жизни».

Всемогущество психоаналитического метода: мы видим, как буквально на наших глазах трансформируются ожидания пациента от психотерапии вообще и от психоаналитической терапии в частности. Все больше приходит пациентов, которым нужно «быстро», и они ориентированы, скорее, на краткосрочную фокусную терапию, чем на глубинную длительную работу. Все меньше приходит пациентов с запросом на классический психоанализ и все больше пациентов, с которыми мы работаем в формате психоаналитической психотерапии. Далеко не всегда мы можем модифицировать метод под ожидания и запрос пациента, зачастую это и не нужно, но мы испытываем такое искушение. Очень сложно бывает сказать пациенту: я не смогу вам помочь за несколько встреч. Для этого нужно признаться самому себе и пациенту в своем не всемогуществе, признать свои ограничения и ограничения метода, и справиться с разочарованием и другими сильными чувствами, которые вызывает эта ситуация.

Ожидания психоаналитика также не всегда совпадают с реальностью. Конечно, нам хочется работать с невротически организованными пациентами, способными переносить фрустрацию, имеющими развитое наблюдающее Эго, способными развивать объектный перенос. Очень непросто ощущать себя функцией, а нарциссически организованных пациентов с дефицитом функций самости, которые развивают частичный

функциональный перенос, становится все больше. Мы можем скучать по пациентам с патологией конфликта, а не с патологией дефицита, и иногда это может приводить к диагностическим ошибкам – например, когда доэдипального пациента «завышаем» до эдипального уровня.

Непсихоаналитические направления психотерапии и психологической помощи зачастую предлагают пациентам более быструю и менее затратную помощь, и это тоже может быть своеобразным «вызовом времени». Мы наблюдаем

Современные медицинские достижения, при их безусловной важности и полезности, вмешиваются в такие тонкие вопросы жизни и смерти, что возникла иллюзия, будто этими процессами можно управлять.

расширение объектов психоаналитического исследования и помощи: групповой психоанализ, психоанализ в бизнесе, психоанализ на службе продаж, психодинамический коучинг, психоанализ в политике, рекламе и т.д.

Психоаналитическим сообществам, на мой взгляд, предстоит решить две непростые задачи – приспособиться к меняющейся реальности и в то же время сохранить психоаналитическую традицию и идентичность.

К сожалению, во многих психоаналитических сообществах мы можем наблюдать нарциссическую динамику, зачастую злокачественную. Об этом прекрасно писал Отто Кернберг в статье «Предотвращение суицидов психоаналитических сообществ». Очень велик риск замкнуться в своей башне из слоновой кости, решить, что психоанализ – единственно верная и правильная психотерапия, обесценить другие направления, атаковать всех инакомыслящих. Но это путь в никуда.

Что нам может помочь? На мой взгляд, это признание своих ограничений. Ограничения есть и со стороны метода, и со стороны психоаналитика. Со стороны метода – психоанализ и психоаналитическая психотерапия имеют свои ограничения. Это показания, противопоказания, терапевтический сеттинг, психоаналитические правила, этические рамки. Также важно помнить, особенно начинающим специалистам, что не каждому пациенту подходит психоаналитическое направление, и это нормально. Со стороны психоаналитика также есть общие и индивидуальные ограничения, о которых мы иногда склонны забывать. Общее для всех – это соблюдение режима труда и отдыха. Сколько пациентов мы принимаем в день? В неделю? Часы супервизий, семинаров, конференций – это наше рабочее время или нет? Мы же за это платим, а не зарабатываем. На самом деле это, конечно, работа, причем очень непростая и энергозатратная. Кроме того, у каждого психоаналитика есть свои индивидуальные ограничения, которые очень важно знать про себя. Кто-то не готов работать с онкобольными, или с наркозависимыми пациентами, или с психотически организованными пациентами.

Когда мы признаем свои ограничения, и разочарование от нашего не всемогущества является переносимым, то мы можем провести границу между тем, что я могу, а чего я не могу. И трансформировать незрелое, инфантильное желание всемогущества в зрелое и адекватное ощущение своего могущества – «вот это я могу».

Общество
потребления – это общество
дефицита, а не конфликта.
Это мир, где расщепление
и отрицание являются нормой.
